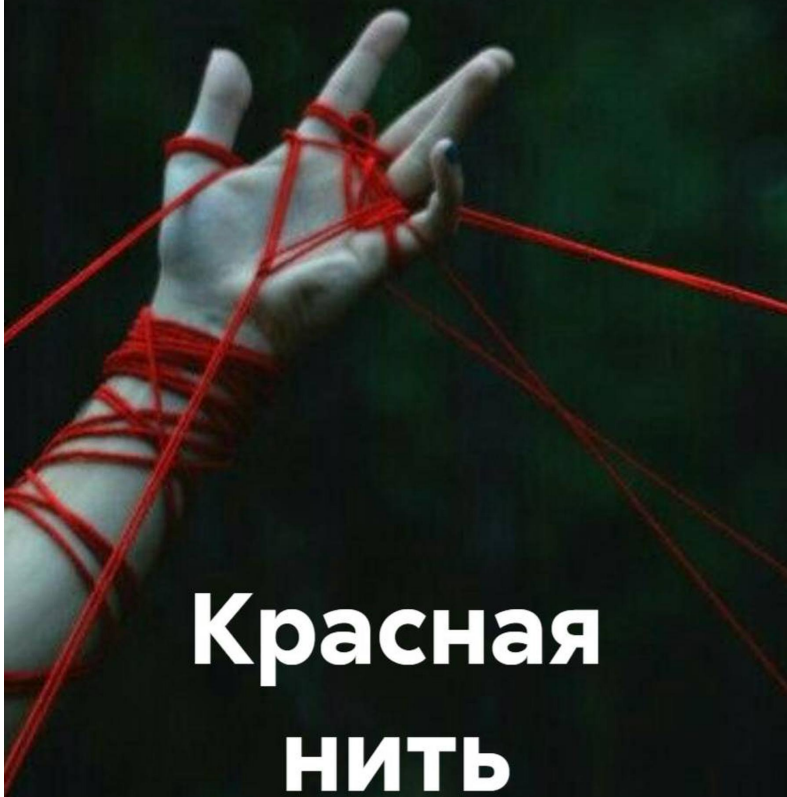

Елена К.

**Красная
НИТЬ**

Елена К. Красная нить

<https://litres.ru/74465517>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Город, где исчезновения закрывают одной фразой: Нет состава преступления. Следователь, который видит, как система прячет зло в рутине. И подростки, которые знают цену каждому непрочитанному сообщению.

Когда из архива достают семнадцать закрытых дел, становится ясно: это не череда случайностей, а продуманная машина забвения. И её центр — тот, чьё имя никто не называет. Птицын и его команда идут по следу, где каждая зацепка оплачена чьей-то болью.

Социальный триллер о том, как равнодушие становится соучастием, а один голос — способен сломать тишину. Дерзкий, напряжённый и до боли честный роман о том, что зло прячется не в темноте, а в так принято. Если вам нравятся детективы с социальным подтекстом и психологическим напряжением — эта история не отпустит до последней страницы».

Содержание

Все Главы.	4
Глава 1. Голосовое сообщение	5
Глава 2. Синяя «Газель»	20
Глава 3. Директор	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена К.
Красная нить

Все Главы.

Глава 1. Голосовое сообщение

Лиза Артемьева не собиралась слушать чужие голосовые.

Она вообще не собиралась лезть в это дело. Она шла домой после школы, как обычно — мимо «Магнита», мимо остановки с ободраным навесом, мимо чьего-то гаража, из которого пахло бензином и осенью. Октябрь в Волжанске всегда одинаковый: серое небо, мокрый асфальт, ветер с Волги, от которого продирает до костей. Лиза натянула капюшон, сунула наушники и включила музыку — что-то мрачное, под настроение.

Потом телефон завибрировал. Не от уведомления — от звонка.

Номер не определился. Просто «Неизвестный».

Лиза три секунды смотрела на экран. Потом сняла.

— Алло?

Тишина. Не та неловкая тишина, когда человек на том конце не знает, что сказать, а плотная, тяжёлая — как будто кто-то прижал телефон к груди и дышит.

— Кто это? — спросила Лиза.

Звук оборвался. Вызов завершился.

Она пожала плечами, сунула телефон в карман. Бывает. Кто-то ошибся номером. Или баловался ребёнок. Или ещё что-нибудь. Лиза не из тех, кто накручивает себя на пустом месте. Она вообще не из тех, кто накручивает себя — это

другие вокруг неё накручиваются, а она стоит и смотрит, как они смешно копошатся.

Но телефон снова завибрировал. На этот раз — голосовое сообщение. От того же «Неизвестного» — нет, от пользователя без имени. Аватарка пустая. Серый кружок с белым силуэтом.

Лиза остановилась у перехода. Дождалась зелёного — не потому что правила соблюдала, а потому что машины в Волжанске ездят как ненормальные, и переться на красный было бы самоубийством. Нажала на сообщение.

Секунда шума. Потом — голос.

— Лиза. Это Катя. Катя Серова. Пожалуйста, не выключай. Мне нужно, чтобы кто-то это услышал, если... если со мной что-то случится.

Лиза так и застыла на переходе. Сзади библикнула машина — она уже стояла на «зебре» и не двигалась.

Голос продолжал.

— Я знаю, мы не дружили. Ты меня вообще не выносишь, я в курсе, это нормально. Но ты единственная, кто... У тебя нет причин прикрывать кого-то. Ты не боишься сказать правду. Все остальные — они все вцепились друг в друга, как пауки в банке. Если я пойду к ним, они... Я не знаю, что они сделают.

Пауза. Шум ветра. Где-то далеко — гудок.

— Я нашла кое-что. В тех голосовых, которые Стас Кочнев присылал Жене Литвиновой. Ну, помнишь, весной они

расстались, и был весь тот... Короче. Я случайно увидела, что Стас отправлял Жене не просто сообщения. Там были записи. Я не знаю, как объяснить. Он записывал... он записывал разговоры. С разными людьми. И один из этих разговоров — он про Настю Хворостову. Помнишь, Настя? Которая «переехала» в прошлом году?

Лиза помнила. Все помнили. Настя Хворостова, девятый класс, переехала с родителями в другой город весной. Обычная история, ничего особенного. В Волжанске так бывает: люди переезжают, люди приезжают, жизнь течёт.

— Настя не переехала, — сказал голос Кати. — Настя не переехала, Лиза. Я не знаю, где она. Но я знаю, что её родителей заставили это сказать. Я знаю, потому что Настя отправила мне сообщение за два дня до того, как она якобы «уехала». Она написала одно слово. «Беги». А потом — тишина.

Лиза стояла посреди тротуара. Пальцы побелели, сжимая телефон. Музыка в наушниках продолжала играть — чужая, далёкая, ненужная.

— Я знаю, кто за этим стоит. Я знаю, и мне страшно. Я не могу пойти в полицию — не потому, что не доверяю, а потому что этот человек... он связан. У него связи везде. Менты, администрация, школа — везде. Если он узнает, что я знаю, он...

Снова пауза. На этот раз длиннее. Лиза слышала, как Катя дышит — быстро, рвано, как будто бежит.

— Я спрячу всё в папке. Ты знаешь, где. Если со мной что-то произойдёт — а я чувствую, что произойдёт, — найди эту папку. Пароль — дата, когда мы с тобой подрались в седьмом классе. Ты помнишь. Ты тогда разбила мне губу, а я тебе — телефон. Мы обе тогда были дуры.

Тихий смешок. Почти беззвучный.

— Ладно. Я повешу. Если ты это слышишь — прости, что втянула. Но у меня нет выбора. Этих людей нужно остановить. Пока они не сделали это с кем-то ещё.

Сообщение закончилось.

Лиза стояла на тротуаре и смотрела на телефон. Экран погас. Музыка играла. Ветер с Волги дул в лицо, забирался под капюшон, трепал волосы.

Она сняла наушник. Послушала тишину улицы. Машины, ветер, где-то лает собака. Обычный октябрьский вечер в Волжанске. Ничего особенного.

Она переслала голосовое сама себе, в «Избранное». Потом удалила сообщение от безымянного пользователя. Потом подумала и удалила из корзины тоже.

Домой шла быстро, почти бежала. В голове крутилось одно: «Если со мной что-то случится». Катя это записала три дня назад. Голосовое датировано понедельником. Сейчас — четверг.

Лиза зашла в подъезд, поднялась на третий этаж. Мама ещё на работе, дома пусто. Закрывает дверь на оба замка. Прислонилась спиной к стене в прихожей. Сердце колотилось,

как у загнанного зверя.

Она достала телефон. Набрала в поиске «Катя Серова Волжанск».

Первая же новость — от вчерашнего вечера:

«В Волжанске пропала 17-летняя школьница. Екатерина Серова, ученица 11 Б класса школы 7, не вернулась домой 14 октября. Последний раз её видели около 15:30 у входа в школу. Екатерина была одета в тёмную куртку, джинсы, на запястье — красная нить. Просьба ко всем, кто владеет информацией...»

Лиза опустилась на пол, прямо в прихожей, на коврик у двери. Телефон лежал на коленях. Экран светил в лицо.

Катя Серова пропала. И последнее, что она сделала, — отправила голосовое Лизе. Не подруге. Не маме. Не в полицию. Ей.

Человеку, который разбил ей губу в седьмом классе.

Лиза не спала в ту ночь.

Она лежала на кровати, смотрела в потолок и прокручивала голосовое снова и снова. Пятый раз. Десятый. Двадцатый. Каждое слово впивалось, как гвоздь.

«Я нашла кое-что в тех голосовых, которые Стас Кочнев присылал Жене Литвиновой».

Стас Кочнев. Лиза знала его — все знали. Школьная звезда, капитан баскетбольной команды, сын главы районной администрации. Высокий, светловолосый, с той улыбкой, от которой девчонки в коридоре начинают хихикать, как дуры.

Лиза его терпеть не могла — не из ревности, а потому что видела, как он разговаривает с теми, кто слабее. Мягко, ласково, а потом — разворачивается и идёт к своим друзьям, и они ржут. Она знала тип. Каждый school, в каждом городе есть такой: золотой мальчик, которому сходит с рук всё.

«Настя не переехала».

Настя Хворостова. Лиза помнила её плохо — тихая, незаметная, из тех, кто сидит на задней парте и старается, чтобы его не вызвали. Весной вдруг пропала. Сказали — переехали. Лиза даже не задумалась. Почему должна была? Люди уезжают. В Волжанске особенно — город маленький, работы мало, молодёжь бежит в Волгоград, в Москву, куда угодно.

Но Катя сказала — не уехала. Катя сказала, Настя написала «Беги». А потом — тишина.

«Я знаю, кто за этим стоит. Этот человек связан. Менты, администрация, школа — везде».

Лиза перевернулась на бок. За окном фонарь качался на ветру, тени скользили по стене. Часы показывали 2:14.

Она думала: пойти в полицию? И сказать что? «Мне пришло голосовое от пропавшей девочки, которая мне не нравилась, и она сказала, что в нашем городе кто-то убивает людей, а доказательства — в зашифрованной папке, пароль от которой — день нашей драки в седьмом классе»? Её примут за сумасшедшую. Или, что хуже, — за соучастницу.

Она думала: забыть? Удалить сообщение, выключить телефон, лечь спать. Завтра пойти в школу, слушать учителей,

есть в столовой пюре с котлетой. Жить дальше. Катя пропала, полиция ищет, это их работа. Не её.

Но голос Кати — рваный, быстрый, испуганный — стоял в ушах. И одно слово из него не давало покоя.

«Пока они не сделали это с кем-то ещё».

Лиза знала, что не сможет это забыть. Не потому, что она хорошая — она не хорошая, и никогда не притворялась. А потому что если она закроет на это глаза, то станет как все остальные. Как те, кто «не заметил», когда Настя исчезла. Как те, кто видел, но промолчал.

А Лиза Артемьева не молчит. Это единственное, в чём она уверена.

На следующий день она пришла в школу раньше обычного. Коридоры ещё пустые, пахло хлоркой и блинами из столовой. Лиза прошла мимо кабинета завуча, мимо стенгазеты с криво наклеенными листьями («Осень в нашей школе!»), мимо доски объявлений, где белел свежий лист:

«Уважаемые ученики! В связи с происшествием администрация школы просит сообщать любую информацию о Екатерине Серовой классному руководителю или по телефону...»

Лиза остановилась. Перечитала. «Происшествие». Красивое слово. Ничего не значащее. Как будто Катя просто заблудилась по дороге домой.

Она сфотографировала лист и пошла дальше.

Класс наполнялся. Лиза села на своё место — у окна, по-

следняя парта. Справа — Дима Орлов, который всегда спал на первой перемене. Слева — пустое место. Катина.

На парте лежал учебник по литературе. Кате он был не нужен — Лиза помнила, как та листала его на перемене, водила пальцем по строчкам, будто искала ответы. Теперь учебник лежал, закрытый, чистый. Как будто хозяйка вот-вот вернётся и откроет.

— Слышала? — шепнула сзади Вика Морозова, присев на край парты. — Катьку ищут. Менты ходили вчера к Серовым, Тёмка мне сказал — он у них за гаражами живёт.

— Слышала, — сказала Лиза.

— Говорят, она из школы вышла и всё. Как в воздухе распустилась. Никто ничего не видел.

— В маленьком городе все видят, — сказала Лиза. — Просто не все говорят.

Вика посмотрела на неё с тем выражением, которое Лиза знала наизусть: смесь восхищения и страха. Вика была из тех, кто хочет быть смелым, но не может. Она подбегала, шептала, хватала за рукав — а когда становилось по-настоящему страшно, отступала.

— Ты что, знаешь что-то? — спросила Вика.

— Нет, — сказала Лиза. И это была правда — почти. Она не знала. Она только слышала. А это разные вещи.

Звенел звонок. В класс входила Ирина Павловна, учительница литературы, с пачкой тетрадей и темным кругом под глазами. Она поставила тетради на стол, поправила очки и

сказала, глядя куда-то поверх голов:

— Итак. Сегодня мы продолжим. Екатерина... то есть, Екатерина у нас временно отсутствует. Дай бог, вернётся. Открываем страницу сорок третью.

Лиза открыла. Страница сорок третья — «Пиковая дама». Пушкин. Человек, который хотел знать то, что знать не положено, и проиграл.

Как символично, подумала Лиза.

Она не слушала урок. Она смотрела в окно, за которым раскачивались голые тополя, а во дворе школы стояла синяя «Газель» с надписью «Следственный комитет».

После третьего урока Лиза вышла в туалет. Не потому что ей надо было — потому что ей надо было думать, а в классе думают плохо: шум, гул, Вика дышит в затылок.

Она закрылась в кабинке, села на крышку унитаза, достала телефон.

Папка. Катя сказала: «Я спрячу всё в папке. Ты знаешь, где».

Лиза знала. Не потому что Катя ей рассказала — а потому что полгода назад, когда они единственный раз за три года нормально поговорили, Катя показала ей. Это было случайно — они столкнулись в библиотеке, и Катя что-то искала в телефоне, и Лиза краем глаза увидела облачную папку с названием «Справедливость». Лиза тогда хмыкнула: «Серьёзно? Справедливость? Ты супергерой?» Катя покраснела и убрала телефон.

Но папка была. В облаке. На гугл-диске. Лиза помнила название, помнила значок — тёмно-синий, с белой буквой «С» на обложке. Это был не школьный аккаунт, а личный — Катя упоминала, что завела отдельный, чтобы «школа не копалась».

Пароль — дата, когда они подрались в седьмом классе.

Лиза закрыла глаза. Седьмой класс. Октябрь. Тоже октябрь, надо же. Она тогда только переехала в Волжанск, и Катя была первой, кто решил её проверить — что-то про маму, про то, что Лизин папа ушёл, и Лиза не выдержала. Ударил. Катя ударила в ответ. У Лизы разбился телефон, у Кати — губа. Их растащили, вызвали родителей, неделю обе ходили в кабинете завуча, как на допросах.

Дата. Какая дата? Лиза помнила месяц — октябрь. Помнила, что было холодно. Помнила, что был вторник, потому что у них по вторникам было трудовое, и после трудного вы были всегда злые. Но число?

Она открыла календарь на телефоне. Прокрутила назад — нет, это не так работает. Она попыталась вспомнить: что было в новостях в тот день? Нет, она не помнила новости в седьмом классе. Она помнила, что разбила телефон, и мама ругалась, и это было за неделю до каникул, в конце октября.

Двадцать третье? Двадцать четвёртое? Двадцать шестое?

Лиза достала телефон и набрала в поиске: «Волжанск новости октябрь 2021 драка школа». Ничего. Конечно, кто пишет новости про школьную драку в заштатном городке.

Но Лиза помнила другое. После драки Катя неделю ходила с пластырем на губе. И в тот же день, вечером, мама Лизы сказала: «Тебе повезло, что сегодня не пятница тринадцатого». Лиза ответила: «А сегодня какое?» Мама посмотрела на телефон и сказала: «Двадцать шестое. Вторник».

Двадцать шестое октября 2021 года.

Лиза открыла ноут — нет, она в туалете. Она не может сейчас. Она сунула телефон в карман, вышла из кабинки, посмотрела на себя в зеркало. Бледная, тёмные глаза, губы сжаты. Она выглядела старше своих семнадцати — или просто уставшей. Заметно было, что не спала.

Она вымыла руки, толкнула дверь и нос к носу столкнулась с Дашей Котовой.

Даша стояла у раковины и красила губы тёмно-бордовой помадой. Она была из «катиных» — не подруга, но из того круга. Зубрила, активистка, ходила на субботники с плакатами. Она была одной из тех «хороших девочек», от которых Лизу тошнило — не потому, что они хорошие, а потому что у них всё идеально, и они не дают другим забыть об этом.

— О, — сказала Даша, глядя на Лизу. — А я тебя искала.

— Зачем? — спросила Лиза.

— Тебя же Катька... ну, вы же общались. Не общались, но... в общем, менты спрашивали про неё. Кто с ней общался, с кем она дружила. Я сказала, что ты единственная, с кем у неё был... ну, конфликт.

— Конфликт, — повторила Лиза. — В седьмом классе.

— Ну да. И они записали. Сказали, могут вызвать. — Даша наклонила голову, как птичка. — Ты не знаешь, куда она делась?

— Нет, — сказала Лиза. — Не знаю.

Даша кивнула. Потом, уже у двери, обернулась:

— Она последнее время странная была. Задумчивая. Всё что-то записывала. Я её спрашивала — она отмахнулась. А за неделю до... ну, до этого... она пришла с красной ниткой на руке. Сказала, оберег. Мне тоже дала. Сказала, носи, пригодится.

Лиза посмотрела на Дашу. У той на запястье — тонкая красная нить, потёртая, завязанная на три узла.

— Зачем пригодится? — спросила Лиза.

Даша пожала плечами. И в этом пожатии было что-то — не небрежность, а страх. Как будто она знала больше, чем говорила, но боялась произнести это вслух.

— Не знаю, — сказала Даша. — Она просто так сказала.

Дверь закрылась. Лиза осталась одна.

Красная нить. Оберег. «Пока они не сделали это с кем-то ещё».

Она достала телефон. Руки дрожали. Она открыла браузер, зашла на гугл-диск, ввела адрес — его она помнила по фотографии, которую Катя ей тогда показала: katerina.s.justice@mail.ru. Пароль — 26102021.

Экран мигнул. Загрузка. Кружок крутится, крутится, кру-

тится.

Папка открылась.

Внутри — десятки файлов. Документы, скриншоты, аудиозаписи, фотографии. Один за другим, аккуратно по папкам: «Стас К.», «Женя Л.», «Настя Х.», «Школа», «Менты», «Деньги».

Лиза открыла первую папку. «Настя Х.»

Там была одна фотография. Настя Хворостова — живая, не на школьном фото, а на чьём-то телефоне. Она стоит у какого-то здания, в руке — бумажный стаканчик, на лице — испуг. Не тревога, не волнение — испуг. Глаза широко открыты, губы сжаты. Фото сделано издалека, смазано, как будто снимали тайком.

И подпись — Катиной рукой, курсивом, в заметках:

«Настя написала мне 3 марта. Последний раз видели в школе — 5 марта. Переехали — 8 марта. Родители Насти утром 8 марта были у директора школы. Директор вызвал их. О чём говорили — не знаю. Но после этого разговора отец Насти позвонил в школу и сказал: Дочь перевели в другую школу, в другом городе. Адрес не назвал. Контакты не оставил. Телефон Насти — выключен с 5 марта. Мама Насти на вопрос одноклассницы ответила: Насте так лучше. Что значит лучше?»

Лиза проглотила. Во рту пересохло.

Она открыла следующую папку. «Стас К.»

Внутри — пять аудиофайлов. Каждый — от трёх до семи

минут. Первые четыре — записи чьих-то разговоров, приглушённые, как будто телефон лежал в кармане. Голоса узнавались с трудом. Пятый — пятый был чёткий, громкий, как будто телефон лежал на столе.

Лиза нажала «Play».

Голос Стаса Кочнева — уверенный, спокойный, даже ленивый:

— ...да не парься. Она сама напросилась. Лезла куда не надо, вот и получила. Я ничего не делал. Это... пусть уважаемый человек разбирается. Мне сказали — не трогать. Я и не трогаю. Но если она ещё раз откроет рот...

Второй голос — женский, тихий, неузнаваемый:

— А если откроет?

Пауза. Потом Стас — с усмешкой:

— Тогда уже не я буду решать. И поверь, ты не захочешь знать, кто будет.

Запись обрывалась.

Лиза выключила звук. В туалете было тихо. Где-то в коридоре гремели переменой — крики, смех, топот. Жизнь шла. Дети бежали в столовую, учителя пили чай в учительской, «Газель» с надписью «Следственный комитет» стояла во дворе.

А Лиза Артемьева сидела в туалетной кабинке, сжимала телефон и понимала: она только что открыла дверь, за которой нет дороги назад.

Катя была права. Лиза не боится. Лиза не молчит.

Но впервые в жизни она подумала: может, нужно было промолчать.

Вечером, в 19:42, тело Екатерины Серовой нашли в заброшенном цехе кирпичного завода на южной окраине Волжанска. На запястье — тонкая красная нить, завязанная на три узла. Причина смерти — установлению не подлежала без экспертизы. Следов борьбы не обнаружено.

Через два дня Лиза Артемьева получила второе голосовое.

Оно было от живого человека.

«Лиза. Не лезь в это. Пожалуйста. Я не шучу. Удали всё, что Катя тебе прислала. Если не сделаешь — следующей будешь ты.»

Глава 2. Синяя «Газель»

Утро в Волжанске начиналось не с кофе, а с шепота. Он полз по коридорам школы, как сквозняк по подъезду панельной пятиэтажки — холодный, липкий, вездесущий. «Нашли... на кирпичном... красная нить... без следов борьбы...» — слова перекатывались от парты к парте, обрастали деталями, теряли правду и становились страшнее.

Лиза шла по коридору, не поднимая глаз. Она знала: все смотрят. Не потому, что она была лучшей подругой Кати — они даже не дружили. А потому что Лиза Артемьева никогда не делала вид, что ничего не происходит. Она смотрела прямо, даже когда все отводили взгляд. И теперь этот взгляд делал её подозрительной.

У доски объявлений снова висел свежий лист — уже не про «происшествие», а про траурную линейку. Рядом кто-то приколот распечатанное фото Кати: она смеётся, в руке — стаканчик из «Кофе Хауса», на плече — лямка рюкзака. Под фото — неровный ряд белых гвоздик, купленных, скорее всего, на общие деньги класса.

— Лиза! — окликнули сзади.

Она не обернулась. Подумала: если не отвечу, отстанут. Но шаги ускорились, и через секунду рядом оказалась Вика Морозова, задыхаясь от бега и волнения.

— Ты слышала? Её нашли. На кирпичном заводе. Гово-

рят, она... она... — Вика не смогла выговорить слово «умерла». Вместо этого она схватила Лизу за рукав, будто боялась, что та исчезнет, если отпустить. — Ты ведь что-то знаешь, да? Ты всегда всё знаешь. Или догадываешься.

Лиза наконец посмотрела на неё. В глазах Вики был не просто страх — была надежда. Как будто Лиза могла сейчас сказать: «Да, я всё знаю, и всё будет хорошо». Но Лиза не умела давать такие обещания.

— Я ничего не знаю, — сказала она ровно. — Я просто иду на урок.

Вика сжала губы, кивнула, но не ушла. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, и Лиза вдруг поняла: Вика боится идти одна. Боится, что если она останется без кого-то рядом, то этот шепот, этот холод, эта пустота, которая теперь висела над школой, затянет её целиком.

— Ладно, — вздохнула Лиза. — Пойдём вместе.

Они свернули к кабинету биологии. По дороге Лиза заметила Стаса Кочнева — он стоял у окна, в окружении своих. Высокий, светловолосый, в той самой куртке, которую все знали: дорогая, из лимитированной коллекции, купленная на деньги отца. Стас смеялся, откинув голову, и этот смех звучал здесь как издевательство.

Он поймал взгляд Лизы. На секунду замер. Потом чуть приподнял бровь — не то удивление, не то вызов. Лиза не отвела глаз. Пусть видит, что она не боится. Пусть знает, что она смотрит.

В классе было тихо. Не та тишина, когда все ждут учителя, а та, когда говорить стыдно. Парта Кати всё ещё пустовала. На ней лежал тот же учебник по литературе, закрытый, чистый, будто хозяйка вот-вот вернётся.

Лиза села на своё место. Вика плюхнулась рядом, достала тетрадь, но не открыла. Просто держала её в руках, как щит.

Ирина Павловна вошла, не глядя ни на кого. Лицо у неё было серым, будто она не спала неделю. Она поставила стопку тетрадей на стол, поправила очки и сказала:

— Сегодня урока не будет. Администрация просит всех оставаться в кабинетах до объявления. Потом будет линейка.

Никто не возразил. Никто даже не вздохнул с облегчением. Все просто сидели, глядя в парты, в окна, куда угодно, лишь бы не друг на друга.

А потом дверь открылась снова. И в класс вошли двое.

Один — в форме, с погонами, с лицом, которое уже успело стать привычным в Волжанске: капитан полиции Олег Семёнович Быков. Второй — в гражданском: тёмный костюм, короткая стрижка, взгляд, который сразу выхватывал из толпы тех, кто нервничает. Следователь из области, догадалась Лиза. Тот, кто не знает город, но знает, как искать правду.

Быков встал у доски, как на уроке. Следователь остался у двери, скрестив руки.

— Ребята, — начал Быков, — вы все знаете, что случилось. Екатерина Серова найдена мёртвой. Сейчас идёт следствие. Нам нужна любая информация. Даже самая малень-

кая деталь. Даже если вам кажется, что это ерунда.

Следователь сделал шаг вперёд. Голос у него был спокойный, но в нём звенела сталь.

— Кто-нибудь видел Катю в последние дни? Кто-нибудь разговаривал с ней? Может быть, она что-то рассказывала? Или вела себя странно?

Тишина. Тяжёлая, густая. Лиза чувствовала, как все в классе смотрят на неё. Потому что она — та, кто не молчит. Потому что она — та, у кого был конфликт с Катей. Потому что она — та, кто сейчас выглядит так, будто знает больше, чем говорит.

Следователь посмотрел прямо на неё.

— Тебя зовут Лиза, верно? — спросил он. — Ты училась с Екатериной в параллельных классах, но вы пересекались.

Лиза кивнула. Не потому, что хотела отвечать, а потому что не ответить было бы ещё подозрительнее.

— Расскажи, что ты знаешь о Кате. Даже если это кажется неважным.

Лиза сглотнула. В горле пересохло. Она могла сказать: «Я ничего не знаю». Могла соврать. Но она вспомнила голос Кати в голосовом: *«Ты единственная, кто... У тебя нет причин прикрывать кого-то»*. И поняла: если она сейчас промолчит, она предаст не Катю — она предаст саму себя.

— Катя в последнее время была... напряжённой, — начала Лиза, стараясь говорить ровно. — Она всё время оглядывалась. Как будто ждала, что кто-то подойдёт сзади. И ещё...

она что-то искала. Или собирала. Я не знаю точно. Но она говорила, что знает что-то, что может быть опасным.

Следователь чуть наклонил голову.

— Опасным для кого?

Лиза помедлила. Потом сказала:

— Для тех, кто этого не хотел бы знать.

Вика рядом тихо ахнула. Быков нахмурился. Следователь достал блокнот.

— У тебя есть какие-то доказательства? Переписки, записи?

Лиза замерла. Папка. Файлы. Аудио. Пароль — 26102021. Всё это у неё в телефоне. Но если она сейчас скажет: «Да, у меня есть папка с доказательствами», её заберут в отделение, заберут телефон, начнут копаться в её жизни. И тогда тот, кто прислал ей второе голосовое — *«Не лезь в это. Пожалуйста. Я не шушу. Удали всё...»* — поймёт, что она всё ещё жива и всё ещё опасна.

— Нет, — сказала Лиза. — Никаких доказательств. Только ощущения. И... ещё одно.

— Что? — спросил следователь.

— Красная нить. Катя носила её на запястье. И Даше Котовой дала такую же. Сказала: «Носи, пригодится».

Следователь переглянулся с Быковым. Тот едва заметно кивнул.

— Мы знаем про нить, — сказал следователь. — Это важно. Спасибо, Лиза. Если вспомнишь что-то ещё — вот моя

визитка.

Он протянул ей карточку. Лиза взяла, но не посмотрела. Просто сунула в карман.

Когда они вышли, класс будто выдохнул. Но это был не облегчённый выдох — это был выдох страха.

— Ты с ума сошла? — прошептала Вика, наклонившись к Лизе. — Зачем ты это сказала? Теперь они будут думать, что ты что-то скрываешь!

— Потому что я и скрываю, — тихо ответила Лиза. — Но не то, что они думают.

После линейки, которую провели быстро и сухо, Лиза не пошла домой. Она пошла к кирпичному заводу.

Завод стоял на южной окраине, за железной дорогой, там, где город заканчивался и начинались поля. Когда-то он работал, выпускал кирпич для всей области. Потом обанкротился, и теперь его корпуса стояли пустые, чёрные, как выгоревшие зубы. Окна были выбиты, двери сорваны, внутри — мусор, граффити, следы костров. Место, где никто не ходит. Место, где можно спрятать тело.

Лиза шла вдоль забора, цепляясь за ржавые прутья. Где-то вдалеке лаяла собака. Ветер гнал по асфальту обрывки газет и пластиковые бутылки. В воздухе пахло пылью и чем-то горьким — то ли старой краской, то ли страхом.

Она нашла проход — дыру в заборе, прикрытую куском фанеры. Пролезла, чуть не порвав куртку. Внутри было тише, но от этого только страшнее. Тени лежали на полу, как

чёрные лужи.

Цех, где нашли Катю, был самым большим. Лиза подошла к дверному проёму и остановилась. Внутри стояли синие «Газели» — одна с надписью «Следственный комитет», другая — «Криминалистическая лаборатория». Люди в перчатках ходили между обломками, фотографировали, собирали образцы.

Лиза не хотела заходить внутрь. Она просто хотела увидеть место. Почувствовать его. Понять, где оборвалась жизнь Кати.

И тут она заметила его.

Стас Кочнев.

Он стоял у стены, в тени, почти скрытый за грудой старых ящиков. В руках — телефон. Он смотрел не на следователей, не на место преступления. Он смотрел на дыру в заборе. На то место, где только что пролезла Лиза.

Их взгляды встретились.

Стас не улыбнулся. Не отвернулся. Просто стоял и смотрел. А потом медленно убрал телефон в карман. И сделал шаг вперёд — к выходу из цеха.

Лиза поняла: он идёт к ней.

Она развернулась и побежала.

Не потому, что боялась. А потому что знала: если Стас догонит её здесь, среди пустых цехов и теней, никто не услышит её крика.

Она бежала по развалинам, спотыкаясь о кирпичи, цепля-

ясь за торчащие куски арматуры. За спиной слышались шаги — тяжёлые, уверенные, не торопливые. Стас не бежал — он шёл. Как будто знал, что Лиза никуда не денется.

Дыра в заборе была впереди. Ещё несколько метров. Лиза прыгнула, пролетела сквозь щель, упала на асфальт, перека- тилась, вскочила.

И замерла.

Перед ней стоял тот самый следователь из области. Тот, что задавал вопросы в классе. Он смотрел на неё спокойно, без удивления, будто ждал.

— Ты бежишь от кого-то? — спросил он.

Лиза хотела соврать. Хотела сказать: «Нет, просто спешу». Но слова застряли в горле.

— От Стаса Кочнева, — выдохнула она. — Он был там. В цехе. Стоял в тени и смотрел на меня.

Следователь нахмурился. Повернулся к заводу. Потом снова на Лизу.

— Пойдём, — сказал он. — Расскажешь всё с самого начала. И на этот раз — без утайки.

Они сели в машину следователя — неприметный серый седан. Лиза сидела на заднем сиденье, сжимая в руках телефон. Следователь — за рулём. Быков — рядом.

— Говори, — сказал следователь, не оборачиваясь. — Всё, что знаешь. Даже если думаешь, что это не имеет значения.

И Лиза заговорила.

Про голосовое. Про папку. Про пароль. Про аудиозапись со Стасом. Про Настю Хворостову и слово «Беги». Про второе голосовое с угрозой.

Она говорила быстро, сбивчиво, глотая слова, но не пропуская ни одной детали. Потому что теперь она поняла: если она не расскажет всё сейчас, она не расскажет никогда. И Катя останется одна — в этом городе, где все делают вид, что ничего не происходит.

Когда она закончила, в машине повисла тишина.

Быков смотрел в окно, стиснув зубы. Следователь постукивал пальцами по рулю — единственный звук в этой тишине.

— Значит, у тебя есть доступ к папке, — наконец сказал следователь. — И там — доказательства.

Лиза кивнула.

— Пароль — 26102021, — повторила она. — Дата нашей драки.

— Хорошо, — сказал следователь. — Мы заберём твой телефон. Не для того, чтобы шпионить за тобой, а чтобы скопировать файлы. Это важно.

Лиза протянула телефон. Рука дрожала, но она не отводила глаз.

— И ещё, — добавил следователь, уже мягче. — Тебе пока лучше не быть одной. Если есть кто-то, с кем ты можешь побыть — родители, родственники, друзья — скажи. Мы можем организовать сопровождение.

Лиза покачала головой.

— Мама на работе до вечера. А друзей... у меня нет.

Следователь помолчал. Потом достал рацию.

— Соедини меня с дежурным, — сказал он в микрофон.

— Пусть пришлют патрульную машину к дому Артемьевой. Пусть посидят во дворе. На всякий случай.

Лиза хотела возразить. Хотела сказать: «Мне не нужна охрана». Но вспомнила второе голосовое: «Если не сделаешь — следующей будешь ты». И промолчала.

Машина остановилась у её подъезда. Следователь вышел, открыл ей дверь.

— Иди домой, — сказал он. — Закрой дверь на все замки.

Не открывая никому, кроме меня или Быкова. Если что-то случится — звони 112. И мне — вот этот номер.

Он написал цифры на листке и протянул ей. Лиза взяла.

— А что будет с папкой? — спросила она.

— Мы её изучим, — ответил следователь. — И найдём того, кто стоит за всем этим. Даже если он связан со всей администрацией города.

Лиза поднялась на третий этаж, вошла в квартиру, закрыла дверь на оба замка. Прислонилась спиной к стене, как в ту ночь, когда узнала о пропаже Кати.

Телефон был не у неё. Папка — в руках следствия. Но голос Кати всё ещё звучал в голове: «Пока они не сделали это с кем-то ещё».

Лиза посмотрела в окно. Во дворе стояла патрульная ма-

шина. Два полицейских в форме пили кофе из одноразовых стаканчиков. Они смотрели на её окна. И это было странно, и страшно, и... немного успокаивало.

Она достала из кармана визитку следователя. Перевернула. На обратной стороне — короткая надпись от руки: *«Не геройствуй. Доверься нам»*.

Лиза положила визитку на стол. Потом села на пол, подтянув колени к груди. И впервые за много дней заплакала.

Не из-за страха. А из-за того, что Катя была права. И из-за того, что теперь Лиза действительно была единственной, кто не молчал.

Вечером того же дня следователь и капитан Быков сидели в кабинете местного отделения. На столе — распечатки файлов из папки Кати. Фотографии, скриншоты, аудиозаписи. И одна строчка, выделенная красным маркером:

«Родители Насти Хворостовой утром 8 марта были у директора школы. Директор вызвал их. О чём говорили — не знаю. Но после этого разговора отец Насти позвонил в школу и сказал: Дочь перевели в другую школу, в другом городе».

Следователь поднял глаза на Быкова.

— Директор школы, — сказал он. — Нам нужно с ним поговорить. Прямо сейчас.

Быков кивнул. В его взгляде было не удивление — а понимание. Он знал этот город. И знал, что если директор замешан, то нити потянутся выше. К администрации. К семье Кочневых. К тем, кто привык, что их не трогают.

— Я знаю, где он живёт, — тихо сказал Быков. — Поехали.

А в это время в тёмном переулке у кирпичного завода кто-то стоял в тени. Смотрел на патрульную машину у подъезда Лизы. И медленно, очень медленно, доставал телефон.

На экране — чат с одним контактом. Имя контакта — «Отец».

Сообщение: «Она всё рассказала. Нужно действовать быстрее».

Глава 3. Директор

Директор школы 7 Вячеслав Геннадьевич Поляков жил в центре Волжанска, в трёхкомнатной квартире на втором этаже кирпичной хрущёвки. Не в новом ЖК, не в элитном таунхаусе на берегу — вот в этой хрущёвке, с потрескавшимся потолком и батареями, которые грели только в декабре. Это было странно для человека, который руководил школой двенадцать лет, входил в городскую комиссию по образованию и, по слухам, имел «выходы» на областную администрацию. Странно — но показательно. В Волжанске так было принято: не строить дворцы, не покупать «Мерседесы», не светиться. Богатство должно быть тихим. Особенно если оно не совсем твоё.

Быков припарковался у подъезда, заглушил двигатель. Следователь — его звали Андрей Витальевич Птицын, и Лиза этого ещё не знала — посмотрел на окна второго этажа. Темно. Ни света, ни движения. Но это ничего не значило: Поляков не из тех, кто включает свет, когда не ждёт гостей.

— Ты его знаешь? — спросил Птицын.

— Двенадцать лет, — ответил Быков. — Нормальный мужик. Не пьёт, не орёт, бумаги в порядке. Но я всегда думал, что он слишком спокоен для нашего города.

— Спокойствие — не преступление, — заметил Птицын.

— Нет. Но иногда это алиби.

Они вышли из машины. Ноябрьский ветер ударил в лицо — холодный, с привкусом пыли и гари от неподалёку стоящей котельной. Быков нажал кнопку домофона. Тишина. Нажал снова. И снова.

— Может, нет дома, — сказал Быков, но без уверенности.

Птицын отступил на шаг, посмотрел вверх. Занавески на втором этаже были задёрнуты, но за ними — слабый, едва заметный свет. Голубой. Телевизор.

— Дома, — сказал Птицын. — Просто не открывает.

Он нажал кнопку третий раз. Долго. Удерживал.

Наконец динамик щёлкнул.

— Кто? — голос был ровный, негромкий. Голос человека, который привык задавать вопросы, а не отвечать на них.

— Вячеслав Геннадьевич, это капитан Быков. Полиция. Нужно поговорить. Срочно.

Пауза. Длинная, как вдох перед прыжком.

— Сейчас спущусь, — сказал голос.

Домофон щёлкнул. Дверь открылась. Но ни Быков, ни Птицын не вошли. Они стояли и ждали.

Через две минуты Поляков вышел из подъезда. Он был одет в серый вязаный кардиган поверх белой рубашки, тёмные брюки, домашние тапочки. Лицо — усталое, но собранное. Не испуганное. Не удивлённое. Как будто он ждал этого визита — может, не сегодня, но ждал.

— Проходите, — сказал он, кивнув на подъезд. — Только давайте на кухне. Жена спит, не будем будить.

Они поднялись. Квартира пахла чайным деревом и старыми книгами. На стенах — дипломы, грамоты, фотография Полякова с губернатором на открытии школьной спортивной площадки. На полке — тома Пушкина, Лермонтова, Достоевского. Корешки потёртые, читанные. Не для вида.

Кухня была маленькая, чистая, с окном, выходящим во двор. Поляков включил свет — не верхний, а настольную лампу на подоконнике. Приглушённый, тёплый. Поставил чайник.

— Садитесь, — сказал он. — Я слушаю.

Птицын сел первым. Быков остался стоять, привалившись к холодильнику. Птицын достал блокнот, открыл на чистой странице.

— Вячеслав Геннадьевич, вы знали Екатерину Серову?

— Конечно. Ученица моей школы. Одиннадцатый «Б». Отличница. Хороший ребёнок. — Поляков говорил глаголами прошедшего времени, но без надрыва, как констатируя факт. — Я был на линейке сегодня. Мы все в шоке.

— Когда вы последний раз видели Катю?

— Четырнадцатого октября. На школьной линейке. Она стояла в строю, третья слева. Я помню, потому что считал — у нас не хватает двух учеников, и я попросил всех подвинуться. Катя подвинулась. Всё. После этого я её не видел.

— А после линейки?

— После — уроки. У меня совещание по четвергам, я был в кабинете. Катя, насколько я знаю, ушла после третьего уро-

ка. У неё была справка от врача — что-то с давлением. Секретарь видела, как она вышла из школы около пятнадцати тридцати.

— Кто-нибудь провожал её?

— Не знаю. У меня камер на выходе нет — только во дворе и в коридорах первого этажа. Я могу запросить записи.

— Мы уже запросили, — вставил Быков.

Птицын кивнул.

— Вячеслав Геннадьевич, я буду задавать вопросы прямо. Если вам нужен адвокат — скажите. Но я советую ответить без него. Пока.

Поляков медленно поднял глаза от стола. В первый раз за весь разговор в его взгляде мелькнуло что-то — не страх, скорее настороженность. Как у человека, который услышал шаги за спиной и не знает, друг это или враг.

— Адвокат? — переспросил он. — От чего мне защищаться?

Птицын достал из папки листок — распечатку из Катинной папки. Положил на стол.

— Это запись из тетради Екатерины Серовой. Цитирую: «Родители Насти Хворостовой утром 8 марта были у директора школы. Директор вызвал их. После этого отец Насти позвонил и сказал: "Дочь перевели в другую школу, в другом городе". Адрес не назвал. Контакты не оставил».

Чайник закипел. Свистел, как сирена. Поляков встал, снял его с плиты. Налил воду в три чашки. Действовал мед-

ленно, аккуратно — как будто покупал время.

— Вы помните Настю Хворостову? — спросил Птицын.

— Помню. Девятый класс. Тихая девочка. Хорошо училась. Весной перевелась в другую школу. Обычная процедура — родители пишут заявление, мы передаём личное дело. Ничего необычного.

— Куда перевелась?

— Я не помню названия. Где-то в области. Может, в Котельниково, может, в Фролово. Родители сказали, что переезжают по работе. Я оформил документы. Всё официально.

Птицын кивнул.

— У вас есть копия заявления?

Поляков помедлил.

— Должно быть, в архиве. Я могу запросить.

— Запросите. Завтра утром. А пока ответьте на один вопрос. — Птицын наклонился вперёд. — Кто попросил вас вызвать родителей Насти Хворостовой в школу?

Тишина. Чайник ещё шипел на плите. Где-то за стеной тикали часы. Поляков держал чашку обеими руками, и Лиза, если бы была здесь, увидела бы: его пальцы побелели, как её собственные в тот день, когда она слушала голосовое Кати.

— Никто не просил, — сказал Поляков. — Я вызвал их сам. Мне показалось, что у девочки проблемы. Она пропускала уроки, стала замкнутой. Я хотел поговорить с родителями.

— И о чём вы говорили?

— О переводе. Отец сказал, что они переезжают. Я предложил оформить перевод по всем правилам. Они согласились. Вот, собственно, и всё.

Птицын посмотрел на него. Не злобно, не агрессивно — как хирург смотрит на рентгеновский снимок. Ищет, где трещина.

— Вячеслав Геннадьевич, а Стас Кочнев. Вы его знаете?

— Конечно. Ученик. Одиннадцатый «А». Хороший спортсмен. Немного... проблемный, но какой мальчик в семнадцать лет не проблемный?

— Его отец — глава районной администрации?

— Да. Виктор Николаевич Кочнев. Мы общаемся. В основном по школьным вопросам — финансирование, ремонт, мероприятия. Он помогает школе. Баскетбольная площадка, компьютерный класс — всё через него.

— А лично? Вы общаетесь лично?

Поляков отпил чай. Руки не дрожали — или он научился их не дрожать.

— Иногда. На мероприятиях. День города, День знаний. Он бывает на школьных праздниках.

— Когда вы видели его в последний раз?

— На дне города. Это было... в сентябре. Он стоял в первом ряду, аплодировал. Как все.

Птицын записал. Потом спросил — как бы между прочим:

— Вячеслав Геннадьевич, а Катя Серова приходила к вам с какими-то вопросами перед исчезновением? Может быть,

жаловалась? На кого-то?

Поляков поставил чашку. Посмотрел в окно. Во дворе патрульная машина стояла у подъезда Лизы — но отсюда этого не было видно. Только фонарь, качающийся на ветру, и тёмные окна соседнего дома.

— Приходила, — сказал он тихо. — За неделю до... до этого. Она пришла после уроков. Сказала, что хочет поговорить. Наедине.

— И?

— Она спросила, помню ли я Настю Хворостову. Я сказал — помню. Она спросила, куда Настя переехала. Я ответил — не знаю, у меня только адрес школы, которую называли родители. Она спросила, не странно ли, что Настя не оставила контактов. Я сказал — бывает. Люди переезжают, теряются. Она посмотрела на меня и сказала...

Поляков замолчал. Быков подался вперёд.

— Что она сказала?

— Она сказала: «Вячеслав Геннадьевич, вы врёте. Я знаю, что вы врёте. И я знаю, почему».

Тишина. Часы тикали. Чай остывал.

— И что вы ответили? — спросил Птицын.

— Я сказал, чтобы она не говорила таких вещей учителю. Что это невежливо. И что, если у неё есть вопросы, она должна идти к родителям, а не ко мне. Она ушла. Больше я её не видел.

Птицын записал. Потом закрыл блокнот.

— Спасибо, Вячеслав Геннадьевич. Пока спасибо. Мы, возможно, вернёмся. И прошу — не покидайте город.

Поляков проводил их до двери. На пороге Птицын обернулся:

— Ещё одно. Телефон Кати Серовой до сих пор не найден. Если вы вдруг вспомните что-то — любой звонок, любое сообщение, любой контакт — позвоните мне.

Он положил визитку на тумбочку у двери. Поляков кивнул, не глядя. Закрыл дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.